

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ № 4 АРХЕОЛОГИЯ 1977

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *В. М. Массон,*
М. Г. Мошкова (отв. секретарь), *Р. М. Мунчаев,*
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева,
Б. А. Рыбаков, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Башлов, В. В. Волков (Москва). Советская археология в год 60-летия Великого Октября	5
И. И. Артеменко (Киев). Археологические исследования в Украинской ССР	12
Ю. Н. Захарук (Москва). О понятии «факт» в археологической науке	30
М. А. Итина (Москва). Проблемы археологии Хорезма. (К 40-летию Хорезмской экспедиции)	41
В. Ф. Генинг (Киев). Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен	53
В. И. Гуляев (Москва). Города майя	74
Г. И. Смирнова (Ленинград). О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солнечны и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре)	94
В. С. Ольховский (Москва). Скифские катакомбы в Северном Причерноморье	108
Е. А. Савостина (Москва). Римские имена в ономастике Северного Причерноморья	129
В. Б. Перхавко (Москва). Вопросы раннесредневековой истории Белоруссии (VI—IX вв. н. э.) в польской археологической литературе последних лет (1960—1975 гг.)	146
Б. Л. Альтшуллер (Москва). Бесстолпные храмы XIV века в Коломне Иштван Торма (Будапешт). Археологическая Топография Венгрии	156 174

Публикации

П. И. Борисковский (Ленинград). Археология во Вьетнаме в наши дни	183
С. И. Татаринов (Артемовск). О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе	192
Ю. В. Буйнов (Харьков). О погребальном обряде племен бондарихинской культуры	208
И. А. Бабаев (Баку). Исследования общественного здания второй половины I в. до н. э.—I в. н. э. на городище Кабала	217
Н. А. Боковенко (Ленинград). Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе	228

И. И. Лобода (Бахчисарай). Раскопки могильника Озерное III в 1963— 1965 гг.	236
П. А. Рашипорт (Ленинград). «Старая кафедра» в окрестностях Владимира — Волынского	253

Заметки

А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов, Л. Д. Сулержицкий (Москва). Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов	267
В. Н. Логгин (Кустанай). Новый памятник каменного века Кустанайской области	270
Ю. С. Гришин (Москва). О бескерамических неолитических стоянках в Забайкалье	275
С. В. Кузьминых (Казань). О химическом составе металла Соколовского могильника	279
Т. Менчинская, Э. Ш. Кудаев (Москва). Наскальные рисунки в Центральных Кызылкумах	283
А. С. Скрипкин, В. И. Мамонтов (Волгоград). Об одном новом типе позднесарматских кинжалов	285
В. И. Шляхова (Москва). Серебряный сосуд из с. Юлдус (Курганская область)	287
В. А. Кучкин (Москва). К изучению текста новгородской берестяной грамоты 138	292
М. Б. Мужухоев (Грозный). Антропоморфные надгробные стелы мусульманских кладбищ Чечено-Ингушетии	295
А. В. Чернецов (Москва). Об одном рисунке Радзивилловской летописи	301
В. А. Буров (Москва). К вопросу о реконструкции нижних приделов Преображенского собора Соловецкого монастыря XVI в.	306

Критика и библиография

А. Д. Резепкин (Ленинград). В. И. Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974	314
С. П. Борисковская (Ленинград). D. A. Amuix, P. Lawrence. Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well. Corinth, v. VII, p. II. Princeton New Jersey, 1975	318
С. А. Плетнева (Москва). И. П. Русанова. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976	321

Хроника

О. М. Давудов (Махачкала). V Крупновские чтения (Махачкала, 1975) Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1977 год	327
	332

Н. А. БОКОВЕНКО

ТИПОЛОГИЯ БРОНЗОВЫХ КОТЛОВ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Летом 1970 г. Новочеркасская археологическая экспедиция Ленинградского государственного университета проводила работы на Соколовской курганной группе. В кург. З было обнаружено богатое сарматское захоронение, где наряду с другим погребальным инвентарем находился литой бронзовый котел. Он представляет собой сосуд с полусферическим замкнутым туловом, на высоком рюмковидном поддоне и с вертикальными зооморфными ручками на тулове (рис. 1).

Две ручки выполнены в виде козликов со сдвоенными ногами, двумя ушами и одним рогом. По краю венчика проходит рельефное утолщение, имитирующее «веревочку» («шнур»), такая же «веревочка» опоясывает туло́во котла по наибольшему диаметру и имеет узелок. Между двумя ручками-козликами под самым венчиком расположены две петельки-ушка, имеющие на внешних сторонах каннелюры. Полый поддон приклепан к тулову двумя заклепками и заварен. На тулове имеются четыре небольших заплатки, а возле узелка «веревочки» оно слегка прдавлено. Следы от рубящих ударов, нанесенные острым орудием, довольно ясно видны на «веревочке» венчика. Вес котла 2,84 кг, емкость 3 л.

Этот котел относится к категории вещей, часто встречающихся в богатых могилах скифо-сарматского времени. Подобные бронзовые¹ котлы, которые относят к сарматской культуре, представляют собой полусферические или яйцевидные сосуды с ручками, прикрепленными к верхнему краю туловища. Среди ручек различаются петлевидные, петлевидные с тремя кнопками и зооморфные. Котлы бывают с поддоном и без него, по туловищу обычно проходит рельефный валик в виде «веревочки». Некоторые из них в верхней части туловища украшены тамгами. Иногда встречаются валикообразные утолщения, продолжающие ручки по туловищу, свободные концы которых или слегка загнуты, или образуют кольца и полукольца. У некоторых котлов под венчиком находятся петельки-ушки.

Большинство котлов происходит из погребальных комплексов, расположенных в степях Поволжья, Подонья и Прикубанья, отдельные экземпляры обнаружены на Украине, в Оренбургской области и в Западном Казахстане. Комплексы с котлами датируются исследователями очень широко — от III в. до н. э. до III в. н. э. Часть котлов — случайные находки в оврагах, на дюнах, на пашне, просто в земле или при случайных раскопках курганов.

Кроме отдельных публикаций сарматских котлов в археологической литературе имеются несколько исследований, посвященных хронологии, типологии и технике изготовления этой важной категории вещей². Наи-

¹ «Бронзовые» — понимается условно, так как анализы состава металла всех котлов не производились.

² Е. К. Максимов. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление. СА, 1966, 1, стр. 51—60; В. А. Филиппенко. Бронзовые котлы из Астраханского музея. СА, 1962, 1, стр. 276—278; А. С. Скрипкин. Случайные находки сарматских котлов на террито-

более значительной работой в этом плане является статья О. М. Петриченко, Б. А. Шрамко, Л. О. Солнцева и Л. Д. Фомина, затрагивающая вопросы типологии котлов³. В свою формальную классификацию они включили только котлы с поддонами и на основе семи морфологических признаков (форма тулова, поддона, наличие «веревочки», вертикальных и зооморфных ручек и ушек-петелек) выделяют единый сарматский тип бронзовых котлов.

Задача данной работы — создание общей классификации литых котлов сарматского времени в Восточной Европе с помощью статистических методов. Для выделения типов используются только морфологические признаки, образующие внешний вид, форму, очертание предмета. Из-за отсутствия полной информации о других особенностях котлов не учтены технологические и функциональные признаки. Подобное ограничение связано еще и с тем, что смешивание всех видов признаков и создание на их основе типологии котлов не дают удовлетворительного результата, так как пока неясно, в каком соотношении находятся функциональные, морфологические и технологические признаки. Создание отдельно функциональной, морфологической и технологической типологий, а затем их корреляция, по-видимому, является наиболее приемлемым путем в данной ситуации.

Всего учтено 49 экз. бронзовых котлов сарматского времени, в типологической классификации использован только 41, остальные исключены из нее из-за отсутствия полных сведений: или они найдены во фрагментах, или же известны только по кратким упоминаниям в литературе⁴.

Котлы были описаны с помощью 13 признаков, учитывающих форму тулова, поддона, ручек, наличие носика и орнамента в виде «веревочки»: 1 — полусферическая форма тулова, 2 — замкнутая полусферическая с четко выраженным венчиком, 3 — яйцевидная, 4 — воронковидный поддон, 5 — рюмковидный (поддон в виде ножки от рюмки), 6 — отсутствие поддона, 7 — наличие носика, 8 — вертикальные петлевидные ручки,

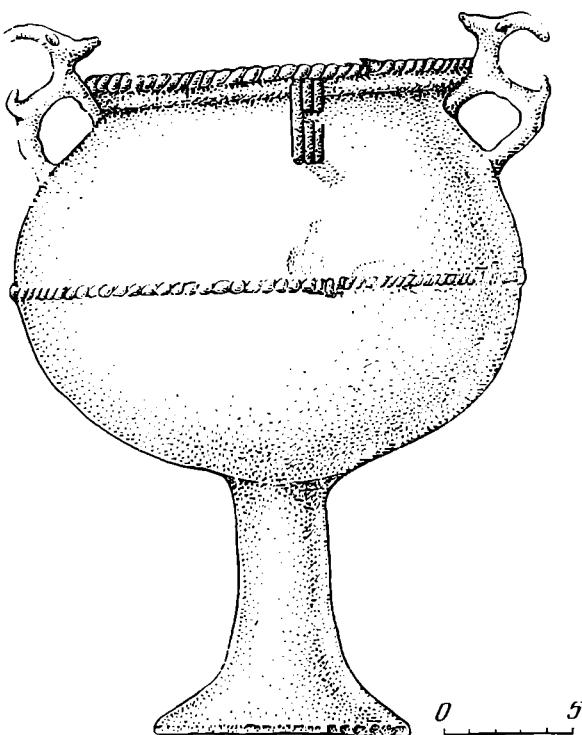

Рис. 1. Литой бронзовый котел из 3-го Соколовского кургана

рии Волгоградской области. СА, 1970, 4, стр. 206—209; *В. А. Пазухин*. Как все же отливались сарматские котлы? СА, 1970, 4, 282—284.

³ О. М. Петриченко, Б. А. Шрамко, Л. О. Солнцев, Л. Д. Фомин. Походження техніки ливіння бронзових казанів раннього залізного віку. «Нариси з історії природознавства и техники», XII, Київ, 1970, стр. 67—78.

⁴ Летопись Херсонского музея за 1913 год. Херсон, 1915, стр. 34, рис. 13; Е. М. Максимов. Ук. соч., рис. 2, 7, 8; И. П. Берхин. Сарматское погребение у села Саламатина. Сообщ. СГЭ, XV, 1959, стр. 38; ОАК за 1902 г., стр. 143; А. С. Скрипкин. Ук. соч., стр. 206, рис. 1; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 361, рис. 70 А; В. И. Козенкова. Отчет о работе Ново-Пштаровского отряда Краснодарской экспедиции в 1970 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4247а, рис. 17.

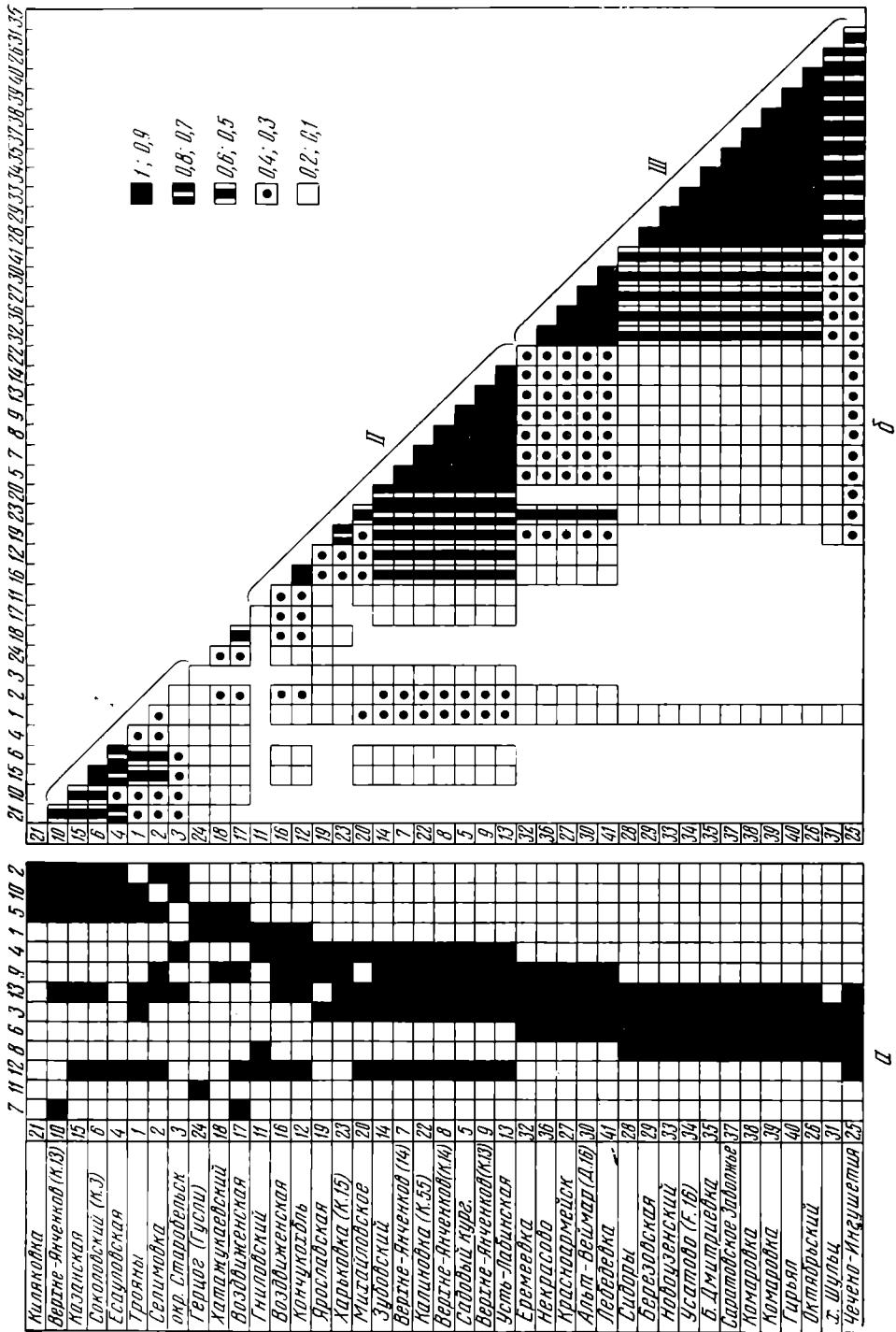

Рис. 2. Исходная матрица результата сравнения (На всех рисунках и картах шансы, которых совпадают)

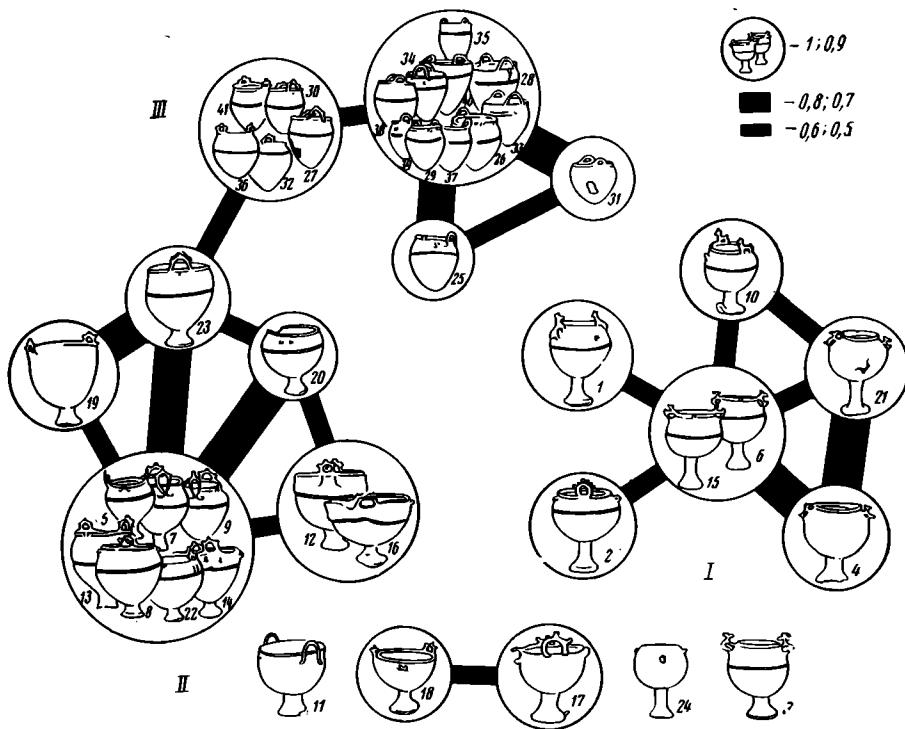

Рис. 3. Граф классификации бронзовых котлов сарматского времени: 1 — Трояны, разрушенное погребение (ОАК за 1913—1915 гг., рис. 255); 2 — Селимовка, кург. 2, погр. 2 (*Шрамко*, 1962, рис. 89, 13); 3 — Старобельск, случайная находка (*Шрамко*, 1962, рис. 25, 15); 4 — Есауловская, находка в кургане (НМИДК, № 3741); 5 — Новочеркасск, Садовый курган (*Капошина*, 1963, 130); 6 — Новочеркасск, 3-й Соколовский курган (*Раев*, 1972, 124); 7, 8 — Верхне-Янченков, кург. 14 («Красный»), (*Капошина*, 1965, 50); 9, 10 — Верхне-Янченков, кург. 13 (*Капошина*, 1965, 49, рис. 17, 1, 2); 11 — Гниловская, случайная находка (*Aspelin*, 1877, 81, fig. 354); 12 — Кунцукохабль, разрушенный курган (*Дитлер*, 1972, 71, рис. 1); 13 — Усть-Лабинская, кург. 42 (ОАК за 1902 г., 83, рис. 183); 14 — Зубовский, кург. 1 (*Думберг*, 1901, рис. 10); 15 — Казанская, кург. 6 (ОАК за 1901 г., 73, рис. 146); 16 — Воздвиженская, курган (ОАК за 1899 г., с. 136); 17 — Воздвиженская, курган (ОАК за 1899 г., 47, рис. 78); 18 — Хатажукаевский курган (ОАК за 1899 г., 50, рис. 96); 19 — Ярославская, курган «Острый» (ОАК за 1896 г., 57, рис. 277); 20 — Михайловское, случайная находка (*Филиппенко*, 1962, рис. 1, 2); 21 — Кильяновка, случайная находка (*Скрипкин*, 1970, 206, рис. 2); 22 — Калиновка, кург. 55, погр. 8 (*Шилов*, 1959, 487, рис. 57, 4); 23 — Харьковка, кург. 3, кург. 15 (*Граков*, 1965, 218, рис. 2); 24 — Герпог, пмение Гусли, кург. 3 (*Rau*, 1927, 11, Abb. 5); 25 — Чечено-Ингушетия, случайная находка в горном районе (*Максимов*, 1966, рис. 2, 9); 26 — Октябрьский, случайная находка (*Максимов*, 1966, рис. 1, 8); 27 — Красноармейск, случайная находка (*Максимов*, 1966, рис. 1, 6); 28 — Сидоры, случайная находка (*Скрипкин*, 1970, рис. 4); 29 — Березовская, случайная находка (*Максимов*, 1966, рис. 2, 6); 30 — Альт-Веймар, кург. Д 16 (*Максимов*, 1966, рис. 1, 4); 31 — Шульц, кург. В 4, погр. 2 (*Максимов*, 1966, рис. 1, 3); 32 — Еремеевка, случайная находка (*Максимов*, 1966, рис. 2, 1); 33 — Новоузенский р-н (ныне Ершовский) Саратовской обл., случайная находка (*Максимов*, 1966, рис. 1, 1); 34 — Усатово, кург. F 16 (*Максимов*, 1966, рис. 1, 2); 35 — Большая Дмитриевка, случайная находка (*Максимов*, 1966, рис. 2, 4); 36 — Некрасово, находка в кургане (*Максимов*, 1966, рис. 2, 5); 37 — Саратовское Заволжье, случайная находка (*Максимов*, 1966, рис. 2, 2); 38 — Комаровка, случайная находка (*Максимов*, 1966, рис. 1, 5); 39 — Комаровка, случайная находка (*Максимов*, 1966, рис. 2, 3); 40 — Гирьял, случайная находка (*Максимов*, 1966, рис. 1, 7); 41 — Лебедевка, кург. 2 (*Багриков*, *Сеникова*, 1968, рис. 5, 2).

9 — ручки с тремя кнопками (отростками, бугорками и т. п.), 10 — зооморфные, 11 — горизонтальные на боку тулона, 12 — вертикальные петельки-ушки под венчиком, 13 — орнамент в виде «веревочки». Из-за невозможности пока определить «вес» признаков они принимаются равнозначными. Была составлена таблица, в которой по вертикали расположены объекты (котлы), а по горизонтали — признаки. Затем выполнена операция упорядочивания объектов по их наибольшему сходству между собой

(рис. 2, а). Вычисленные меры близости котлов по функции сходства ($j=S^2/k \cdot l$) можно представить в виде таблицы, позволяющей выделить три группы котлов со взаимосвязанными признаками (рис. 2, б). Выполненная в виде графа (рис. 3) таблица дает наглядное представление о связях внутри группы и между получившимися группами (типами)⁵. В каждом типе существует ядро и периферия⁶, а также определенный минимум характерных или ведущих признаков, которые присутствуют в основном только у него и почти не представлены в других типах. Образно говоря, без этих признаков он не имеет «своего лица». Признаки же, присутствующие в двух или более типах, являются лишь связующими звенями показывающими числовую степень этих связей при данном уровне обработки материала.

Первый тип — котлы с полусферическим замкнутым туловом, четко выраженным венчиком, рюмковидным поддоном, зооморфными ручками (в виде фигурок козлов, лосей, оленей, собак и т. д.), ушками-петельками (6 экз.) и орнаментом «веревочкой» (6 экз.). К первому типу относятся семь котлов (рис. 3, 1, 2, 4, 6, 10, 15, 21). К нему примыкают еще два котла (рис. 3, 3, 24), из-за слабых связей (0,4; 0,3) вышедшие из графа. Сюда же можно отнести котел, имеющий наряду с признаками первого типа (полусферическое замкнутое тулоо с четко выраженным венчиком, рюмковидный поддон) признак второго типа (ручки с тремя кнопками; рис. 3, 17). Высота котлов 21—32 см. Характерными признаками первого типа являются: полусферическое замкнутое тулоо с четко выраженным венчиком, рюмковидный поддон, зооморфные ручки. Вообще ручкам в виде фигурок животных в сарматском мире придавалось особое, скорее всего охранное, культовое значение⁷. Возможно, что такие же функции сакрально-магического свойства выполняли и зооморфные ручки бронзовых котлов.

Котлы первого типа найдены в степях Поволжья, Прикубанья, Нижнего Дона, а также на Северском Донце и Украине (рис. 4). Комплексы с котлами этого типа датируются исследователями I в. до н. э.—I в. н. э.⁸, в некоторых случаях только I в. н. э.⁹ Второй тип — котлы с яйцевидным или полусферическим туловом, воронковидным поддоном, вертикальными петлевидными ручками с тремя кнопками, ушками-петельками (у экземпляров на рис. 3, 18, 19, 23 петельки отсутствуют), орнаментом в виде «веревочки» (у экземпляров на рис. 3, 11, 18, 19 «веревочка» отсутствует). Ко второму типу относится 12 котлов (рис. 3, 5, 7—9, 12—14, 16, 19, 20, 22, 23). Они довольно большие, высота их колеблется в пределах 35—63 см. К этому же типу по ряду сходных признаков (воронковидный поддон, ручки с тремя кнопками) можно отнести еще два небольших котла высотой 11—12 см (рис. 3, 11, 18). Характерными признаками второго типа являются: воронковидный поддон, петлевидные ручки с тремя кнопками. На тулове некоторых котлов второго типа встречаются валикообразные продолжения ручек, свободные концы кото-

⁵ Граф строится до тех пор, пока две какие-нибудь получившиеся группы не окажутся связанными между собой и после соединения групп, более слабые связи графически не представляются (в данном случае не представлены связи меньше 0,5). Подобное введение критерия значимости и графическое ограничение связано с уровнем и целями, на которых остановился автор при создании классификации.

⁶ Ядро типа — группа котлов, образующая в графе замкнутую фигуру. Периферия — вся остальная часть, примыкающая к ядру.

⁷ К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Тр. ОИПК, ГЭ, 1941, № 1, стр. 182 сл.

⁸ С. И. Капошина. Итоги работ Кобяковской экспедиции. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 50; И. И. Гущина, Т. Б. Попова. Воздвиженский могильник — памятник III тыс.—I в. до н. э. Ежегодник ГИМ, 1970, стр. 90; Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 241; А. С. Скрипкин. Ук. соч., стр. 208.

⁹ В. А. Филиппенко. Ук. соч., стр. 208; Б. А. Раев. Богатое сарматское погребение 3-го Соколовского кургана. Вестн. ЛГУ, № 20, 4, 1972, стр. 130.

рых либо слегка закручены, либо образуют кольца (рис. 3, 5, 7, 9, 12, 22).

Второй тип котлов синхронен первому и также не выходит за рамки I в. до н. э.—I в. н. э.¹⁰ Например, в кург. 13 у хутора Верхне-Янченков бронзовые котлы первого и второго типов найдены вообще в одном комплексе¹¹. Найдки котлов второго типа сосредоточены в основном в степях Прикубанья, Нижнего Дона и реже — в Поволжье (рис. 4).

Третий тип — котлы с яйцевидным туловом и слегка уплощенным дном, поддон отсутствует, с гладкими вертикальными ручками и петлевидными с тремя кнопками (рис. 3, 27, 30, 32, 36, 41), орнаментом на

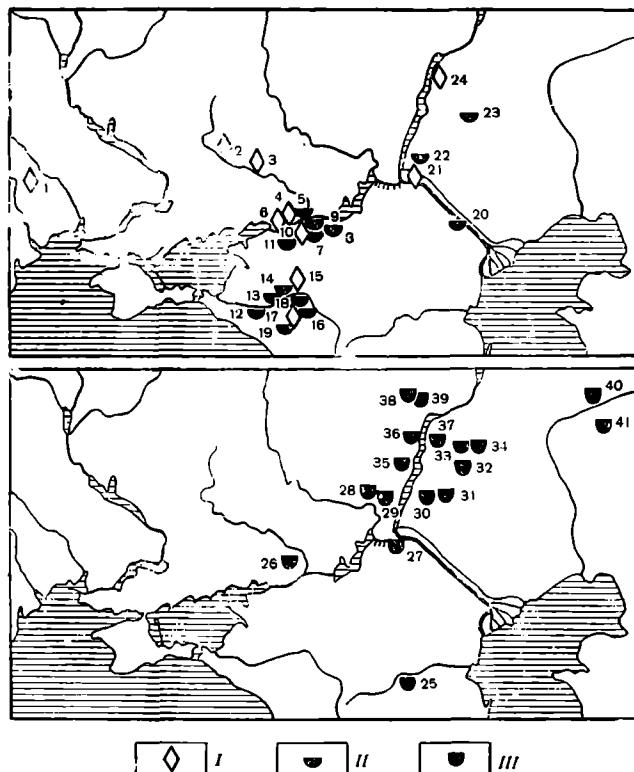

Рис. 4. Карты местонахождения бронзовых котлов

тулове в виде рельефной «веревочки», у одного котла подобный орнамент отсутствует (рис. 3; 31). Четыре экземпляра имеют тамгообразные знаки (рис. 3, 26, 32, 39, 41), котел из Чечено-Ингушетии имеет еще и ушки-петельки (рис. 3, 25). К третьему типу относятся 17 котлов (рис. 3, 25—41). Высота котлов 21—40 см. Ведущими признаками третьего типа являются: ясно выраженная яйцевидная форма туловы с небольшим уплощенным дном, отсутствие поддона, отчасти наличие гладких петлевидных ручек, в некоторых случаях имеющих «усообразное» продолжение ручек на тулове.

Котлы третьего типа локализуются в Поволжье, Северо-Западном Казахстане, отдельные экземпляры найдены в Подонье и на Северном Кав-

¹⁰ С. И. Капошина. Ук. соч., стр. 50; ее же. Ценные находки археологов в районе Новочеркасска. ВАН СССР, 3, 1963, стр. 130; П. И. Гущина, Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 90; Б. И. Граков. Заметки по скифо-сарматской археологии. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 219; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60. 1959, стр. 454; В. А. Филиппченко. Ук. соч., стр. 277; П. А. Дитлер. Комплекс из кургана близ аула Куичукохабль. В кн.: «Сборник материалов по археологии Адыгеи». Майкоп, 1972, т. 3, стр. 67.

¹¹ С. И. Капошина. Ук. соч., стр. 49.

казе (рис. 4). Погребальные комплексы с котлами этого типа (кург. 16 у ст. Альт-Веймар, погр. 2, кург. В4 у хутора Шульц, кург. F16 у с. Усатово, кург. 2 у с. Лебедевка) датируются разным временем. К III—II вв. до н. э. относят котел из погр. 2 кург. В4 у хут. Шульц¹², хотя приведенные аргументы в пользу этой датировки не совсем точны, так как бронзовые зеркала, шаровидные круглодонные сосуды бытовали и на сусловском этапе¹³, а подвески-амулеты в виде котлов «скифского» типа вполне могут быть «сарматского» типа (котлы второго типа данной классификации) или «сибирского» типа¹⁴. Поэтому вполне возможно, что это погребение относится и к более позднему времени, т. е. к первым векам нашей эры. Остальные котлы датируются II—III вв. н. э.¹⁵

Экземпляры, аналогичные третьему типу котлов (яйцевидной формы без поддона), имеются далеко на востоке, в Туве и в Ордосе¹⁶. А такие конструктивные особенности котлов, как «усовидное» окончание петлевидных ручек, подпрямоугольность ручек у некоторых котлов (Усатово, Березовская), небольшое уплощенное дно, наконец, яйцевидность туловища, характерны не только для котлов Восточной Европы сарматского времени, но и для бронзовых котлов Южной Сибири и Центральной Азии, которые относят к культуре хуннов¹⁷.

Существуют и другие данные, позволяющие говорить о сходстве некоторых черт материальных культур Восточной Европы и Азии в скифо-сарматское время¹⁸. Так, на этих территориях в сарматское время бывают золотые украшения¹⁹, миниатюрные бронзовые котлы²⁰, большие бронзовые котлы²¹, зеркала с боковым ушком²², имеющие значительное сходство. Результаты ли это миграций, культурных влияний или иных процессов, пока неясно, но несомненно одно, что контакты разного рода имели место между этими регионами в начале I тысячелетия н. э.

Так как котлы обычно сопровождают погребальные комплексы кочевой родо-племенной знати, они, по-видимому, представляли определенную вещественную ценность в обществе, о чем свидетельствуют и неоднократные почики некоторых из них²³. Скорее всего, кочевники стремились сохранять котлы как можно дольше в употреблении, что, вероятно, обусловлено причинами материального и духовного свойства. Бронзовые котлы безусловно связаны с какими-то культовыми отправлениями, что отмечал еще А. С. Скрипкин²⁴. Возможно, в них, как и в скифских котлах, варили мясо жертвенных животных. На особое значение котлов указывают и следы их преднамеренной порчи (вмятины, отверстия на туловище, насечки на венчиках, нанесенные острым орудием)²⁵. Аналогичные

¹² Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 56.

¹³ А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 64.

¹⁴ О. М. Петриченко, Б. А. Шрамко и др. Ук. соч., стр. 68, рис. 1.

¹⁵ Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 57, 58; К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 134;

Г. И. Багриков, Т. Н. Сеникова. Открытие гробниц в Западном Казахстане. Изв. АН КазССР, серия обществ. наук. Алма-Ата, 1968, 2, стр. 76.

¹⁶ Z. Takats. Catalaunischer Hunnenfund und seine Ostasiatischen Verbindungen. AOASH, t. 5, f. 1—2, Budapest, 1955, fig. 113, 11.

¹⁷ N. Egami, S. Misuno. Inner Mongolia and the region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis. Tokyo — Kyoto, series B, vol. 1, 1935, fig. XXIV, XXVII, XXXII, XXXIII.

¹⁸ J. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougren. Helsingfors — St. Petersburg — Paris, 1877, p. 47.

¹⁹ В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 490.

²⁰ И. И. Гущина, Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 86.

²¹ О. М. Петриченко, Б. А. Шрамко и др. Ук. соч., стр. 69.

²² А. М. Хазанов. Ук. соч., стр. 65; T. Sulimirski. The Sarmatians. London, 1970, p. 120.

²³ Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 51—55; А. С. Скрипкин. Ук. соч., стр. 207; ОАК за 1899 г., стр. 50; рис. 96; P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unterer Wolga, Pokrowsk, 1927, S. 11, Abb. 5.

²⁴ А. С. Скрипкин. Ук. соч., стр. 209.

²⁵ См., например, котлы: из 3-го Соколовского кургана, из окр. Троян, из кург. 1 у Зубовского хутора, из кург. 3 у дер. Герцог и др.

следы порчи находят и на других предметах, например на украшениях, импортных сосудах и пр. Эти следы, видимо, отражают идеологию, мирапонимание кочевников, т. е. их духовную жизнь²⁶. Не случайны и зафиксированные на некоторых котлах тамгообразные знаки, значение которых пока еще неясно. Котлы ценились и как продукт сложного и трудоемкого производства. Для изготовления их необходимы были условия, не всегда доступные для кочевников, и к тому же высокое мастерство литейщиков²⁷.

Все эти предварительные положения еще требуют дополнительного исследования и не только самих котлов, но и тех комплексов, в которых они найдены. Типология котлов — это лишь первый этап в их изучении и в определении их исторического места.

N. A. Bokovenko

TYPOLOGIE DES CHAUDIERES EN BRONZE D'EPOQUE SARMATE
EN EUROPE ORIENTALE

Résumé

En 1970, dans le 3ème kourgane Sokolovski (environs de Novotcherkask) on a fait la découverte d'une riche sépulture remontant au Ier siècle de n. è., dans le mobilier de laquelle, parmi divers objets, se trouvait une chaudière coulée en bronze aux anses zoomorphes (fig. 1). De telles chaudières de bronze existent dans les tombeaux que la noblesse des peuplades nomades a laissés sur le territoire de l'Europe orientale à l'époque sarmate. Présentant une grande valeur matérielle, ces objets avaient sans aucun doute une destination cultuelle. En s'aidant des méthodes mathématiques on a pu distinguer trois types de chaudières (fig. 2, 3). Le premier est représenté par les chaudières à anses zoomorphes; on en a découvert dans les régions de la Volga, du Don, du Kouban, et en Ukraine (fig. 4); elles datent du Ier s. av. n. è. au Ier s. de n. è. Le second type est formé par les chaudières aux anses en forme de noeud avec trois rivets; ces chaudières, de la même époque que celles du premier type, existent dans les régions du Kouban, du Don, plus rarement le long de la Volga (fig. 4). Le troisième type comprend les chaudières à corps ovoïde sans base; les ustensiles de ce type peuvent être localisés le long de la Volga et en partie dans l'Ouest du Kazakhstan (fig. 4); ils datent du IIe et du IIIe s. de n. è., et présentent beaucoup de traits qui sont caractéristiques pour les chaudières de bronze d'Asie Centrale et du Sud de la Sibérie qui appartiennent à la culture des Huns. Il existe encore d'autres données qui permettent de parler des contacts qu'entretenait la population de ces régions au début du Ier millénaire de n. è. (tels que certains types de bijoux d'or, des chaudrons miniatures en bronze, des miroirs à poignée latérale, etc.). Le caractère de ces contacts n'est pas clair jusqu'à présent; c'est la tâche des recherches à venir de le déterminer.

²⁶ К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 249.

²⁷ Е. К. Максимов. Ук. соч., стр. 60; В. П. Пазухин. Ук. соч., стр. 282—284; Б. А. Шрамко. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в Скифскую эпоху. Автореф. докт. дис. Киев, 1965, стр. 23.